

Вл. АФАНАСЬЕВ

РЗ1890

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

• О Г И З
ГОСЛИТИЗДАТ
1943

Вл. АФАНАСЬЕВ

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

06875
Э/890

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1943

Гитлеровская партия есть партия врагов демократических свобод, партия средневековой реакции и черносотенных погромов...

...эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова...

И. В. Сталин. Доклад 6 ноября 1941 года

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

И. В. Сталин. Речь 7 ноября 1941 года

---

25 сентября 1892 года жители города Тифлиса, развернув поутру свежий, пахнувший типографской краской номер газеты „Кавказ“, прочли на одной из страниц ее новое, никому не известное имя, имя, которое звучит теперь на всех языках мира смелым призывом к свободе и свету,—Максим Горький.

Появление на столбцах большой провинциальной газеты нового, как видно начинающего, автора не могло пройти незамеченным. Прирученная к сухим официальным статьям, заполнявшим страницы „Кавказа“, местная интеллигенция с некоторым удивлением вчитывалась в яркие, взволнованные строки, подписанные странным, необычным именем. „С моря дул влажный холодный ветер“,— так начинался рассказ Максима Горького „Макар Чудра“, и казалось, что с первыми строками его на страницы скучноватой газеты в самом деле врывается терпкий, соленый запах моря, его ровный, неумолкаемый шум...

...Старый цыган Макар Чудра рассказывал о двух своих соплеменниках — юноше Лойке Зобаре и красавице Радде. Смелые и непокорные, они не могли терпеть насилия и угнетения, полюбив друг друга, предпочли смерть подчинению. Уйдя из жизни, они навсегда оставили в сердцах людей память о своей гордой любви, о своем стремлении к свободе...

Так, звучной, красивой легендой, рассказанной под неумолчный рокот моря, вошел в литературу полвека назад величайший художник нашей эпохи — Максим Горький.

Молодому писателю было тогда около двадцати пяти лет. Позади были тяжкие годы лишений и испытаний, впереди — долгий творческий путь и всемирная слава. У порога этой славы, еще не предчувствуя ее, начинающий автор возвращался памятью к прожитым беспокойным и пестрым дням. Максим Горький снова видел себя Алексеем Пешковым, сыном нижегородского столяра, умершего, когда мальчику было четыре года. Страшная, тяжелая жизнь в семье деда, куда после смерти отца попал маленький Алеша, воскресала вереницей мрачных незабываемых образов.

Дед Алексея Пешкова, хозяин красильного заведения Каширин, был грубый и жестокий человек. Окрики, побои, зуботычины считались обычным способом его обращения не только

работавшими у него людьми, но и с членами собственной семьи. Алеше Пешкову очень рано пришлось почувствовать на себе тяжелую руку деда, испытать его безудержное, ничем не ограниченное самодурство.

Одним из самых светлых воспоминаний не только детства, но и всей жизни будущего писателя была бабушка Акулина Ивановна. Простая и мудрая, она хранила в своей памяти великое множество народных песен и сказок. Чудесным русским языком бабушка рассказывала Алеше о похождениях древних витязей, о страшных разбойниках. На всю долгую жизнь запомнились внуку эти замечательные сказки.

Восьми лет Алексея отдали в школу, но проучился он в ней всего один год. К этому времени дед разорился, и мальчику пришлось самому зарабатывать себе на жизнь. Сначала он работал тряпичником, потом его отдали „в люди“ — на побегушки в магазин обуви. Здесь Алексей проработал меньше года, обварил себе руки щами и заболел, после чего попал в учение к чертежнику Сергееву. Чертежник был родственником деда, но жилось у него мальчику едва ли не хуже, чем у сапожника. Никакому ремеслу Алексея не учили, зато до изнеможения нагружали нудной и утомительной работой по дому. С наступлением весны Алексей убежал от хозяина и поселился

под открытым небом, у волжских пристаней. Живя случайной работой, он жадно впитывал впечатления от встреч с нищим, бездомным народом. Ютившимся на берегу великой реки, присматривался к новым, ранее не знакомым ему людям — грузчикам и ключникам.

Вскоре мальчик получил постоянное место помощника повара на одном из пароходов. Здесь под руководством своего „начальника“, отставного гвардейского унтера Смурого, Алексей начал постигать хлопотливую кухонную „науку“. Встреча со Смурым сыграла в жизни будущего писателя огромную роль. Отставной унтер оказался завзятым любителем чтения, и эту свою любовь он сумел передать ученику. Походный сундучок Смурого был доверху набит книгами самого разнообразного содержания. и, заинтересовавшись ими, Алексей жадно пристрастился к чтению, чтобы уже никогда больше не расставаться с книгою. Недаром впоследствии он называл Смурого своим первым учителем.

Осенью, с окончанием навигации, Алексею пришлось вернуться в дом чертежника. Здесь все было по-старому, но вспыхнувшая неожиданно любовь к книге озарила жизнь мальчика новым, ослепительным светом. Несмотря на преследования хозяев, запрещавших чтение как вредное и несерьезное занятие, Алексей много

и жадно читал по ночам, когда все спали, при свете луны или самодельного фитиля. Книги заставляли забыть о нудной, изнуряющей работе, переносили в волнующий мир ярких, необычайных образов и событий.

Проработав у чертежника до весны, Алексей перепробовал после этого целый ряд профессий: ученика-иконописца, строительного десятника, театрального статиста. Ни одна из этих работ не могла удовлетворить пытливого подростка,— стремление к знанию, пробужденное чтением книг, и желание разобраться в хаосе окружающей жизни „властно влекли его к науке“. Наивно полагая, что путь к учебе открыт для каждого желающего, Алексей, когда ему исполнилось пятнадцать лет, покинул Нижний и двинулся в Казань, манившую его своим университетом. Охваченный жаждой знания юноша ни на минуту не сомневался, что двери „храма науки“ широко распахнутся перед ним. Действительность жестоко развеяла эти радужные иллюзии.

Через сорок лет великий русский писатель Максим Горький описал этот период своей жизни в книге, названной „Мои университеты“. Ни о каких „храмах науки“ не прочтете вы в этой книге, зато получите прекрасное представление о том, как жил нищий, бездомный люд Казани в „странной, веселой труппе

„Марусовке“, как проводили время казанские босяки, собираясь в стенах мрачного полуразрушенного здания, именуемого „Стеклянным заводом“. Марусовка, Стеклянный завод, тесный и душный подвал крендельного заведения, где люди работали до полного изнеможения,— вот те „университеты“, которые прошел будущий писатель, живя в Казани. В этих неприглядных местах проходили первые месяцы жизни Алексея Пешкова в Казани. Очутившись в новом городе, юноша скоро понял, как недоступен для него, мещанского сына, окончившего один класс городской школы, Казанский императорский университет. Гостеприимная Марусовка приняла в свои недра еще одного нового обитателя.

Но юноша не сдавался. Чтобы прокормить себя, он брался за любую работу, не теряя веры в жизнь и присматриваясь к людям, окружающим его. Выбитые из жизненной колеи, они привлекали его смелостью и независимостью поступков, едкой резкостью суждений. Сколько встречал он среди этих „бывших людей“ хороших товарищей, ярко одаренных натур, изуродованных условиями нелепой, жестокой действительности.

Но общение с такими людьми все же не могло удовлетворить запросов Алексея Пешкова. Через знакомых студентов он попал в

кружки местной интеллигенции, где молодежь горячо спорила о переустройстве жизни на новых началах, о светлом и радостном будущем. В их пылких, взволнованных речах слышал он отзвуки своих собственных мыслей, пробужденных мрачными картинами окружающего быта, чтением книг, где рисовалась возможность иной, прекрасной и осмысленной жизни.

Скоро Алексей стал принимать участие в беседах, которые велись в кружках. Необычайный вид нового посетителя, приходившего на собрание прямо с пристани, где он пилил дрова и таскал мешки, его трезвые и смелые высказывания привлекали к нему общее внимание. Новые знакомые Алексея живо заинтересовались им.

Собрания кружка происходили у владельца бакалейной лавочки, Деренкова. Это был не совсем обычный лавочник. Он искренне сочувствовал передовой молодежи и всем, чем мог, старался быть ей полезным. В его лавочке собирались люди на сходки под видом покупателей, у него хранилась библиотечка запрещенных книг.

С наступлением осени Алексей поступил в пекарню купца Семенова. Пекарня помещалась в подвале. Запертые в ней изнуренные люди работали в невероятно тяжелых усло-

виях, почти не зная отдыха. Юноше пришлось разделить их участь, испытать на себе произвол дикого и жадного владельца пекарни, столь колоритно изображенного впоследствии Максимом Горьким в повести „Хозяин“.

Еще до рассвета, в четыре-пять часов, должен был подниматься Алексей с рогожи, на которой спал (он жил теперь при пекарне), и приступать к работе. Работа продолжалась почти круглые сутки, был только ночной перерыв для сна — четыре-пять часов — и дневной короткий — на обед. Работать приходилось в ужасной грязи, досок пола не было видно из-за мусора. Воздух был наполнен мучной пылью, пропитан испарениями, дымом от курева.

Изнуряющая работа физически и морально калечила людей. Крендельщики, в основной своей массе крестьяне, выгнанные из деревни нуждой, придя в заведение Семенова, очень скоро становились покорными, безропотными рабами хозяина. Тяжелый труд изматывал их, делал неспособными к активному протесту.

Алексей не меньше других страдал от непосильной работы, но слепое подчинение рабочих удивляло его, порождало стремление разбудить людей, толкнуть их на решительные действия. Беседуя с крендельщиками, Алексей всячески стремился вызвать у них чувство воз-

мщения, приводя в пример рабочих мордовской мануфактуры, выступление которых против хозяина, на редкость дружное и организованное, прогремело тогда на всю Россию.

Сначала крендельщики с недоверием слушали Алексея, — решительный и смелый юноша казался им человеком чуждым и непонятым; но страстные, горячие слова, согретые подлинной любовью к людям, в конце концов возымели свое действие. Раз, когда Семенов набросился на одного из рабочих и, повалив на пол, стал бить ногами, товарищи избиваемого с поднятыми кулаками устремились на хозяина и заставили его, перепуганного, убежать из мастерской.

Вскоре Семенов узнал, какую роль сыграл в подготовке этого выступления Алексей. Юноше пришлось оставить мастерскую. Крендельщики тепло проводили товарища.

Новую работу нашел для Алексея владелец бакалейной лавочки Деренков. Желая поддержать материально революционную молодежь, он решил открыть в дополнение к лавке пекарню, и здесь, в должности подручного пекаря, начал работать Алексей. В его обязанности входило также следить, чтобы нанятый со стороны пекарь не крал продукты и работал исправно.

Поступление в пекарню Деренкова снова

сблизило Алексея со студенческой молодежью, от которой он совсем было отстал, работая в крендельной Семенова. Как и прежде, юноша внимательно прислушивался к тому, о чем говорилось на шумных, горячих сходках; однако он испытывал теперь чувство некоторого разочарования. Он убедился, что люди, которые так красиво говорят о светлом будущем, о необходимости борьбы за него, далеко не всегда умеют претворить свои слова в дело, оставаясь часто прекраснодушными краснобаями. Да и отношение студентов к Алексею как к занятому парню из народа, а не как к равному среди равных, не могло не обижать его. К этому времени он прочел немало серьезных книг, многое успел самостоятельно продумать и в праве был рассчитывать на более глубокое и внимательное отношение к себе.

У Деренкова Алексей встретился с украинцем Ромасем — революционером-народником, недавно отбывшим ссылку в Сибири. Ромась пригласил юношу с собой в большое поволжское село Красновидово — помогать ему работать в лавке. Лавка была удобным средством для прикрытия революционной деятельности. Кроме того, товары в ней решено было продавать значительно дешевле, чем в торговых заведениях окрестных богачей. Этим Ромась

надеялся завоевать симпатии сельской бедноты и ограничить кулацкий произвол.

Алексей принял предложение Ромаса и поселился с ним в Красновидове. Об этом периоде в жизни великого писателя сохранились воспоминания красновидовского крестьянина, старика П. С. Чипчина. Вот что рассказывает Чипчин:

„Сейчас мне семьдесят годов, почитай, будет. Когда Горького встретил, восемнадцать было. А ему, пожалуй, на год побольше... Читал он все книжки разные, в лавке у Михайла Антоныча занимался... Михайлу Антоныча невзлюбили красновидовские лавочники, потому он все товары дешевле продавал. К нему народ и шел. Да и Максимыч приветлив был, обходителен... Алексей часто со мной на девишники ходил. Девки поют, гостей величают, а он все больше молчит, слушает да на людей поглядывает. А уж когда разоидется — слушай! Хорошо песни спевал“.

Разозленные на Ромаса кулаки подожгли его лавку. Алексей, застигнутый пожаром на чердаке, едва не погиб. Он спасся, завернувшись в одеяло и выпрыгнув из окна. Обвинив в поджоге Ромаса и Горького, кулаки пытались их убить. Только выдержка и находчивость Ромаса предотвратили расправу.

С тяжелым чувством покидал Алексей Крас-

новидово. Расставшись с Ромасем, он добрался до Каспийского моря и там нанялся работать в рыболовную артель.

Осенью 1888 года Алексей поступил ночным сторожем на станцию Добринка, Грязе-Царицынской железной дороги. Работа была не легкая. Приходилось дежурить по двенадцати часов в сутки, а в остающееся от дежурства время помогать по хозяйству кухарке начальника станции — колоть и носить дрова, топить печи, чистить посуду, убирать лошадей. Кухарка невзлюбила Алексея. Она переложила на его плечи всю свою работу и откровенно обещала „затиранить до того, что на Кавказ сбежишь“. Алексей не вытерпел и написал жалобу в правление дороги. Жалоба была не совсем обыкновенная. Такого документа, вероятно, никогда не получало железнодорожное начальство: все обиды ночного сторожа на свирепую кухарку были изложены в стихах.

Необычное заявление возымело действие, Алексея перевели в город Борисоглебск надсмотрщиком железнодорожных материалов. Здесь он познакомился с группой „неблагонадежных“ интеллигентов, побывавших в тюрьме и ссылке. Этого оказалось достаточно, чтобы жандармерия заинтересовалась молодым Пешковым и установила за ним наблюдение.

Весной следующего 1889 года Алексея назначили весовщиком на станцию Крутая. В этом захолустьи жадному до книг юноше пришлось столкнуться с муками духовного голода. Со своим приятелем, местным телеграфистом, он перечитал все книги, которые можно было найти на ближайших станциях, и невозможность удовлетворить все растущую жажду знания заставляла его, по собственному выражению, задыхаться от тоски.

Тогда Алексей организовал „кружок саморазвития“ из местных рабочих. Жандармерия не преминула ознакомиться с этим начинанием „поднадзорного Пешкова“, установила за кружком слежку, стала засылать в него шпионов.

К этому времени Алексею исполнилось двадцать один год. Пора было призываться в армию. Уволившись со станции, он съездил не надолго в Казань и явился на воинский призыв в родной Нижний-Новгород.

В армию Алексея не взяли. Препятствием послужили больные легкие. В поисках работы будущий писатель набрел на новую профессию: он сделался развозчиком кваса на местном пивном заводе.

В Нижнем Алексей поселился на одной квартире со своими казанскими знакомыми — студентом Сомовым и учителем Чекиным. Оба были высланы в Нижний за участие в ре-

волюционной работе. Жилище трех приятелей привлекло внимание полиции. За ним было установлено наблюдение.

Вскоре полиция получила из Петербурга приказ об аресте Сомова. Жандармы нагрянули на квартиру, но Сомова не нашли,— он успел скрыться. Допрошенный полицией Алексей сознательно, чтобы сбить ищеек со следа, запутывал показания и вообще держал себя смело и независимо. По приказанию властей он был арестован и посажен в нижегородскую тюрьму. Просидел там Алексей свыше месяца. За отсутствием улик его освободили, но взяли под негласный полицейский надзор. Дерзкий, смелый разносчик кваса, читающий запрещенные книги, казался крайне подозрительным местным властям. Подозрения усиливала тетрадь стихов, обнаруженная у юноши при обыске.

Стихи были первым творческим опытом Алексея Пешкова. Начал он их писать еще в Казани, не бросал этого занятия во время службы на железной дороге, и теперь у него оказалась целая объемистая тетрадь, наполненная рифмованными строками. Стихи не были для Алексея праздным занятием, в них вложил он свои размышления об окружающей жизни, свое стремление видеть человечество более счастливым, честным и справедливым.

Он думал, что стоит людям ознакомиться с его произведениями, как род человеческий станет лучше, чище, благороднее.

Особенные надежды возлагал Алексей на свою поэму „Песнь старого дуба“. „Я затискал в нее,— вспоминал впоследствии писатель,— все, о чем думал на протяжении десяти лет перигрой, нелегкой жизни. И был убежден, что грамотное человечество, прочитав мою поэму, благотворно изумится перед новизной всего, что я поведал ему, правда повести моей сотрясет сердца всех живущих на земле, и тотчас же после этого разыграет честная, чистая, веселая жизнь“.

Свою поэму Алексей решил показать жившему в это время в Нижнем известному писателю В. Г. Короленко. Короленко встретился с молодым автором и мягко, но прямо и открыто раскритиковал его произведение. Критика была справедливой, он правильно подмечал слабые стороны первого опыта начинающего. Алексей ушел от Короленко с твердым решением никогда не писать ни стихов, ни прозы.

Вскоре, разочарованный в своих литературных способностях, снова чувствуя себя одиноким (присматриваясь к местным кружкам молодежи, он окончательно потерял доверие к красиво болтающим, но бездействующим

людям), Алексей покинул Нижний и пешком отиранился бродить по просторам России.

Прекрасная и величественная, лежала перед глазами юноши родина. В любом уголке ее жили и трудились, радовались и горевали бесчисленные люди, и каждый из этих людей был по-своему нов и необычен, каждый привлекал внимание, возбуждал интерес. Представители разных национальностей проходили перед юношей. Пытливо и жадно всматривался он в смысленых великороссов, мягких, чуть медлительных украинцев, пылких кавказцев.

Большое путешествие совершил Алексей Пешков. Он вышел из Нижнего и, добравшись пешком и на пароходе до Царицына, двинулся к Донской области, пересек Украину, прошел Бессарабию до Дуная и берегами Черного моря, пройдя тысячи километров, пришел в Закавказье.

Не праздным, ленивым соглядатаем шел он по просторам родины. С палкой в руке, с котомкой за плечами и порой без копейки денег в кармане, он, чтобы прокормить себя, помногу работал по дороге, нанимаясь то грузчиком в порт, то батраком к богатым крестьянам, то рабочим на соляные копи. Совместный труд сближал его с людьми, заставлял глубже понять их жизнь, приобщиться к их интересам.

Часто на привале в пути, в часы отдыха от работы люди рассказывали о себе, о своих радостях и печалях. Внимательно слушал эти рассказы Пешков. Многие из того, что слышал он в эти памятные месяцы странствий, озарило впоследствии страницы книг Максима Горького, наполнив их большой и ясной жизненной правдой.

Но Алексей Пешков умел не только слушать. Всякое проявление несправедливости к человеку, унижение и угнетение его вызывали гнев и негодование в сердце юноши и часто побуждали его вмешиваться в ход событий, стать на защиту слабого и обиженного.

В одном украинском селе Алексей стал свидетелем дикого и страшного обычая. Местный крестьянин, заподозрив жену в измене, привязал ее, обнаженную, к передку телеги, рядом с лошастью, и провёл вдоль всего села, жестоко избивая кнутом на глазах у гогочущей толпы.

Никто из местных жителей не вступился за истязаемую, считая наказание женщины делом вполне естественным, и только неизвестный прохожий, в широкополой шляпе, с котомкой за плечами, бросился на истязателя, пытаясь вырвать из его рук обессилевшую жертву. Мужики накинулись на защитника, жестоко избили его и бросили за околицей.

Возвращавшийся с сельской ярмарки шарманщик поднял лежавшего в беспамятстве прохожего и доставил его в город, в больницу. Прохожий был Алексей Пешков. Приведенный случай — один из многочисленных примеров вмешательства его в дела людей, когда он видел в этих делах проявление жестокости и несправедливости, унижение сильным слабого и беззащитного.

Зверское издевательство изверга-мужа над беззащитной женщиной изобразил впоследствии Максим Горький в рассказе „Вывод“. Этот рассказ и теперь, через пятьдесят с лишним лет после описанного события, нельзя читать без глубокого волнения.

Поздней осенью 1891 года, пройдя все Черноморское побережье, Алексей Пешков пришел в Тифлис.

В Тифлисе Алексею суждено было встретиться с чутким, отзывчивым человеком, сыгравшим большую роль в его жизни. Поступив рабочим в железнодорожные мастерские, он сблизился с А. М. Калюжным — революционером, отбывшим несколько лет сибирской каторги.

Калюжный внимательно отнесся к Пешкову. Он увидел в нем не только парня со странной биографией, но и талантливого, своеобразного человека. Слушая рассказы Алексея о его

путешествиях, о встречах и беседах с людьми, он уловил в этих рассказах дыхание большого литературного таланта. „Пишите обо всем этом“, — не уставал повторять он после каждого прослушанного рассказа. Алексей взялся за перо и записал одну из легенд, слышанную им в Бессарабии от старого цыгана Макара Чудры. Написанный рассказ был так и назван „Макар Чудра“. Калюжный устроил произведение начинающего автора в газету „Кавказ“. Псевдоним „Максим Горький“ был придуман Алексеем Пешковым в редакции газеты, когда редактор осведомился, как подписать принятую к печати рукопись.

День 25 сентября навсегда остался памятной датой в жизни великого русского писателя Максима Горького. — его, этот день, он считал началом своей литературной работы.

Горький на всю жизнь сохранил глубокую благодарную память о Калюжном. „Вы первый толкнули меня на тот путь, которым я теперь иду“, — писал Алексей Максимович своему другу в 1901 году.

Повар Смурый, революционер Ромась, писатель Короленко, Калюжный — этих четырех людей Горький считал своими литературными учителями и вспоминал о них с большой теплотой и любовью.

Вскоре после напечатания первого рассказа

Горький покинул Тифлис и снова, в третий раз, возвратился на родину — в Нижний. В жизни вчерашнего бездомного скитальца, теперь молодого начинающего писателя, наступал новый — значительный и плодотворный — период.

II

Поселившись в Нижнем, Горький продолжал литературную работу, создавая один за другим новые рассказы. Темы этих рассказов были почерпнуты из скитальческих впечатлений автора. „Емельян Пиляй“, „Старуха Изергиль“, „Дед Архип и Ленька“ — вот некоторые из произведений того времени. Много и упорно работая над собой, Горький не спешил отдавать в печать написанное. Ему казалось, что, несмотря на первый успех, ему предстоит положить еще много труда, прежде чем сделаться настоящим писателем.

Неожиданно для самого автора один его рассказ, „Емельян Пиляй“, появился на страницах газеты „Русские ведомости“. Приятель Горького, студент Васильев, уезжая в Москву, захватил этот рассказ с собой и отнес в редакцию.

Новая удача ободрила Горького, и он отправил несколько рассказов в казанскую газету „Волжский вестник“. Рассказы были на-

печатаны, на них обратил внимание сотрудничавший в этой газете Короленко.

Вскоре Короленко узнал, что новый автор — тот самый юноша, который приносил ему четыре года назад свою „Песнь старого дуба“. Он пожелал встретиться с молодым писателем. С тех пор Горький часто навещал Короленко, читал ему новые произведения, советовался с ним, выслушивал его указания.

По совету Короленко, Горький взялся за большое произведение и написал рассказ „Челкаш“. Рассказ этот был напечатан в столичном журнале „Русское богатство“.

Короленко рекомендовал Горького в качестве сотрудника в большую „Самарскую газету“. По приглашению редакции, Горький оставил Нижний и переехал в Самару. Здесь он работал в течение года, печатая свои рассказы, а также сатирические фельетоны, посвященные злобе дня. Эти фельетоны Горький подписывал мрачноватым псевдонимом „Иегудил Хламида“.

Вскоре молодой писатель стал известен всему Поволжью. Его пригласил к себе на постоянную работу „Нижегородский листок“, и Горький снова вернулся в родной город.

Шел 1896 год. Страна переживала экономический подъем. В Нижнем открывалась все-российская промышленная выставка, которая

должна была показать всему миру „достижения“ русских промышленников и капиталистов. Город спешно чистился и красился. На одной из площадей заперстрели наскоро выстроенные разноцветные павильоны.

В качестве сотрудника газеты Горький присутствовал на выставке с момента ее открытия и до последнего дня работы. Своими впечатлениями он делился с читателями „Нижегородского листка“ и „Одесских новостей“. Трезвый, суровый голос Горького резко выделялся в хоре присяжных борзописцев, восторженно прославлявших торжественный парад русского капитализма.

За показным блеском выставки Горький сумел разглядеть источник всей этой роскоши и великолепия. Он вспомнил о сотнях и тысячах замученных людей, которые своим трудом создали огромные павильоны, доверху заполненные всевозможными богатствами. В своих письмах о выставке Горький писал о людях, добывающих золото, о нефтяниках, о дубильщиках кожи. Тяжелая жизнь этих тружеников, невыносимые условия их работы предстали перед читателем в многочисленных статьях, заметках и фельетонах писателя.

Пребывание на выставке тяжело отозвалось на здоровье Горького. Утомленный хлопотливой ежедневной работой, он заболел

вынужден был уехать в Крым, а затем поселиться на Украине, в селе Мануиловке, Полтавской губернии. Здесь Алексей Максимович прожил несколько месяцев, организуя силами местных крестьян любительские спектакли и сам выступая в качестве актера. Горький играл Подхалюзина в пьесе Островского „Свои люди — сочтемся“, исполнял сразу две роли в пьесе украинского драматурга Карпенко-Карого „Мартин Боруля“. Отдохнувший и посвежевший писатель вернулся в Нижний для новой работы.

В 1898 году Горький собрал воедино и издал отдельными книжками лучшие из рассказов, напечатанных в журналах и газетах. Один за другим вышли два томика „Очерков и рассказов“, принеся автору всеобщее признание и славу. Критика и читающая публика почувствовали в молодом писателе большой, свежий талант. Имя Максима Горького прогремело на всю Россию. Яркой, сказочно преображенной вставала жизнь в ранних рассказах Горького. Много мрачного, тяжелого, угнетающего душу видел вокруг себя писатель, но он внушал веру в возможность другой — радостной и счастливой жизни.

В рассказе „Старуха Изергиль“ устами старой цыганки Горький передал чудесную ле-

генду о смелом и красивом юноше Данко, отдавшем жизнь за счастье народа. Из тьмы и болот густого леса Данко повел людей своего племени к свету и простору. Густой, непроходимый мрак застилает путникам глаза, и, чтобы осветить дорогу, Данко вырывает из своей груди горящее сердце и высоко, как факел, поднимает его над головой. Пламя сердца Данко, пламя любви его к народу побеждает тьму, и люди выходят из леса на солнечный простор. Данко умирает, но память о нем навсегда остается запечатленной в легендах и песнях.

Так, в сказочной романтической форме Горький воспевал борцов за счастье и свободу народа, призывал людей искать выход из мрачных лесов и болот окружающей действительности. Призыв молодого писателя встречал горячий отклик в сердцах многочисленных читателей. Это было время подъема рабочего движения в России. В легенде о смелом Данко молодой писатель ярко запечатлел образ пламенного вождя, отдающего жизнь за счастье народа. Данко сделался любимым героем передовой революционной молодежи. Бесстрашным Данко был для нее сам Горький, освещавший своим творчеством путь вперед, к лучшему будущему.

Вскоре после выхода в свет сборника Горь-

кого царское правительство во второй раз арестовало писателя. Поводом к аресту послужил незначительный с виду факт. У тифлисского рабочего-революционера Афанасьева нашли при обыске фотографию с надписью „Дорогому Феде Афанасьеву на память о Максимыче“. Полиция заинтересовалась „Максимычем“ и, установив, что это Горький, арестовала его в Нижнем и препроводила в Тифлис. Здесь писатель был заключен в тюрьму, в так называемый Метехский замок. Несмотря на все старания, жандармам не удалось найти достаточных оснований для суда над Горьким. Алексей Максимович был освобожден, но над ним учредили особый полицейский надзор. Теперь за каждым шагом Горького зорко следили жандармы.

В 1899 году Горький написал свою большую повесть „Фома Гордеев“, где наглядно показал, как „хозяева жизни“ глушат и давят все подлинно человеческое, не согласующееся с их хищническим произволом. Купеческий сын, Фома Гордеев, разоблачающий людей своего класса, обвиняющий их в жестокости и бесчеловечности, выкидывается ими из жизни, объявляется сумасшедшим. Так расправляются угнетатели с представителями своей собственной среды, осмеливающимися критиковать установленные ими жестокие порядки.

„Фома Гордеев“ вызвал восторженный интерес со стороны всей читающей публики. Когда Горький приехал впервые в Петербург, он был встречен как один из самых любимых и популярных писателей. Имя его ставилось рядом с именами Толстого и Чехова.

В Петербурге Горький сделался свидетелем разгона большой революционной студенческой демонстрации. Об этой демонстрации появились лживые провокационные сообщения правительства, и Горький счел своим долгом опровергнуть ложь, восстановить истину. Вскоре появилась революционная прокламация, направленная против правительства. Полиция дозналась, что написал ее Горький. Алексей Максимович снова, в третий раз, был арестован и посажен в нижегородскую тюрьму.

Бурный общественный протест заставил правительство освободить Горького и заменить тюремное заключение сначала домашним арестом, а потом высылкой под надзор в уездный город Арзамас, Нижегородской губернии. Перед ссылкой писателю было разрешено пробыть несколько месяцев в Крыму для поправления здоровья. Посылка Горького на юг превратилась во всероссийскую демонстрацию симпатии к нему, протеста против произвола самодержавия. Везде, где это удавалось, на пути писателя возникали шествия и митинги.

Молодая революционная Россия чествовала своего художника.

На травлю Горького царским самодержавием отозвался В. И. Ленин. „Европейски знаменитого писателя, — писал он, — все оружие которого состояло в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия“.

Царское правительство боялось Горького и его растущей популярности. К этому времени он был автором замечательной революционной „Песни о Буревестнике“, которую знали наизусть все передовые, прогрессивные люди страны. В этой песне была ясно выражена вера Горького в грядущую революцию, его презрение к „жирным“, страшщимся прихода ее. В образе смелой птицы — вестника грядущей бури — писатель изобразил бесстрашного революционера, приветствующего наступление социальной бури. Сам Горький был тем человеком, который и своими произведениями и своей революционной деятельностью выступал одним из предвестников этой бури, ее активным деятелем. „Пусть сильнее грянет буря!“ — говорил писатель, видя, как поднимается на борьбу рабочий класс, революционная молодежь. „Пусть сильнее грянет буря!“ — повторяла вместе со своим любимым художником вся передовая, прогрессивная Россия.

Горький был под следствием и лечился в

Крыму, когда стало известно, что Академия наук выбрала его своим почетным членом. Это избрание было официальным признанием огромных заслуг писателя перед читающей Россией. За год до Горького в почетные академики были избраны Чехов и Короленко, два популярнейших писателя того времени. Автор „Фомы Гордеева“ по праву занимал теперь место рядом с ними.

Вскоре, однако, выборы Горького были отменены. Сам царь счел необходимым вмешаться в это дело и на докладе об избрании Горького поставил возмущенную резолюцию: „Более чем оригинально“. Мещанин, цеховой малярного цеха, как значился Горький в официальных документах, привлеченный к суду за революционную деятельность, избирался членом в императорскую академию,— было отчего вознегодовать царскому самодержавию! Выборы, по требованию Николая, были отменены. В знак протеста Короленко и Чехов также отказались от звания академиков.

Скоро огненное слово Горького зазвучало со сцены. Находясь в ссылке в Арзамасе, он написал свою первую пьесу „Мещане“, поставленную Московским Художественным театром и прошедшую с большим успехом. В этой пьесе трусливым и жадным мещанам был противопоставлен рабочий-революционер, машинист Нил,

твердо верящий, что „нет такого расписания движения, которое бы не изменилось“. Нил был едва ли не первым сознательным рабочим-революционером, выведенным на сцене в России.

Еще больший успех выпал на долю второй пьесы Горького — „На дне“, поставленной в том же театре. В этом произведении писатель как бы собрал воедино, в один фокус, свои многолетние наблюдения над пестрым и шумным миром босячества, с которым он познакомился еще в юности. Новая пьеса убедительно опровергла ту клевету, которую распространяла в то время буржуазная критика вокруг имени Горького. Желая нейтрализовать взрывчатое революционное воздействие произведений писателя на читающие массы, эта критика, основываясь на том, что в ранних рассказах Горького не малое место отведено людям „дна“, „босякам“, пыталась объявить его художником босяцким, художником, воспевающим деклассированные подонки общества.

Показывая обитателей „дна“, рисуя многих из них с сочувствием, Горький, однако, никогда не делал „ставку на босяка“, никогда не старался изобразить Коноваловых и Сатиных как людей, способных на героические поступки, на борьбу за лучшее будущее. Образами „босяков“ Горький лишь ярче демонстрировал чудовищную несправедливость еолчьих законов буржуазного

общества. Люди, выброшенные из жизни, оказывались гораздо более благородными и честными, чем хозяева этой жизни, ее заправилы — помещики и капиталисты. Такая жизнь нуждалась в изменении, но изменить ее могли не Сатины и Актеры, а сознательный, революционный рабочий. Это Горький отчетливо показал уже в образе Нила из „Мещан“. Еще ярче удалось ему сделать это в двух других замечательных произведениях — пьесе „Враги“ и романе „Мать“, написанных после первой русской революции. Революционный рабочий класс, идущий к победе, изображен в этих произведениях во весь свой гигантский рост.

В морозный январский день 1905 года царское правительство, расстреляв мирную демонстрацию рабочих у Зимнего дворца в Петербурге, навсегда убило веру народных масс в царя, в возможность мирным путем добиться улучшения своего положения при царском строе.

Горький с негодованием отозвался на расстрел безоружных рабочих. Вечером 9 января он написал воззвание, где прямо называл Николая II виновником чудовищного преступления, призывал к свержению самодержавия. Через два дня Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Царское правительство готовило суд над писателем.

Произошло, однако, нечто неожиданное, спутавшее все расчеты жандармов и прокуроров. На защиту Горького поднялась вся культурная Европа, весь мир. Выдающиеся ученые, литераторы, художники посылали свои протесты, требовали освобождения писателя.

Перепуганному царскому правительству снова пришлось уступить. Горький был освобожден.

Чем шире развertyвалось революционное движение 1905 года, тем активнее становилось в нем участие Горького. В конце 1905 года Алексей Максимович организовал газету „Новая жизнь“, редактором которой стал приехавший из-за границы В. И. Ленин. Тогда же произошла первая встреча вождя мирового пролетариата с великим пролетарским писателем, — встреча, положившая начало большой неразрывной дружбе двух замечательных людей нашего времени.

Все теснее связывая свою жизнь и работу с большевистской партией, Горький, по предложению В. И. Ленина, выехал в начале 1906 года за границу для сбора средств в партийную кассу. Алексей Максимович узнал, что царское самодержавие пытается получить за границей заем на подавление революционного движения. Горький поднял свой голос против предоставления займа, он призывал пра-

вительства демократических стран Европы не оказывать поддержки николаевской монархии.

Из Европы Горький выехал в Америку и здесь, в промежутках между выступлениями на митингах и банкетах, написал одно из значительнейших своих произведений — роман „Мать“. Близость к революционному движению, вера в его победу помогли Горькому создать эту волнующую книгу, любимую книгу рабочего класса всего мира.

Никто еще не писал о русском пролетариате так, как написал о нем Горький в романе „Мать“. В образе молодого рабочего Павла Власова и его матери Пелагеи Ниловны великий писатель впервые в русской литературе нарисовал во весь рост фигуры рабочих-революционеров, фигуры людей, в руках которых было будущее родины.

Оба эти образа были взяты из реальной действительности. Прототипом Павла Власова послужил сормовский рабочий Петр Заломов, участник и организатор грандиозной первомайской демонстрации в Нижнем-Новгороде в 1902 году. Вернувшись из Сибири, куда он был сослан, Заломов часто встречался с Горьким и передал ему многие из тех фактов, которые послужили основой для создания романа. Мать Заломова явилась прообразом Пелагеи Ниловны. Она оказывала большую по

мощь сыну в его революционной работе, хранила нелегальные листовки, распространяла их среди населения.

В образах и событиях романа узнавали себя сотни тысяч пролетариев России и всего мира. Недаром переведенная на иностранные языки „Мать“ сделалась одной из самых популярнейших книг во всех уголках земного шара.

Своим романом „Мать“ Горький наглядно показал, что образы представителей революционного рабочего класса могут быть так же глубоки и многогранны, как самые значительные образы, созданные русской классической литературой. Фигура героини романа Ниловы является одной из самых выразительных фигур в обширной галлее женщин, созданных нашими художниками слова.

После своих заграничных выступлений Горький не мог и помышлять о возвращении в Россию — его бы немедленно арестовали. Алексей Максимович поселился в Италии, на острове Капри, и здесь, продолжая усиленно работать, создал целый ряд значительных произведений, в том числе „Сказки об Италии“, книгу, насквозь пронизанную солнечным светом, полную огромной любви к человеческому роду, веры в человеческий разум.

Каприйский период в жизни Горького замечен тем, что в это время растет и крепнет

дружба писателя с Владимиром Ильичем Лениным, волнующими документами которой остались замечательные письма Ленина к Горькому. В этих письмах огромная человеческая теплота Владимира Ильича в отношении к Горькому сочетается с замечательным пониманием роли Горького в развитии мировой культуры, великого исторического значения писателя.

В 1907 году в Лондоне состоялся V съезд нашей партии, на котором делегатом с совещательным голосом присутствовал Горький.

Здесь произошла знаменательная встреча Горького с Владимиром Ильичем. Эта встреча ярко воспроизведена в горьковском очерке „В. И. Ленин“, написанном уже после Октябрьской революции.

Ленин высоко оценил роман „Мать“, назвав эту книгу нужной и своевременной. „Много рабочих,— говорил Владимир Ильич,— участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают „Мать“ с большой пользой для себя“. „Это был единственный и крайне ценный для меня комплимент“,— отмечал впоследствии Горький.

Ленин в дальнейшем не раз беседовал с Алексеем Максимовичем на литературные темы, высказываясь не только о завершенных произведениях, но и о некоторых его еще не

реализованных замыслах. Так, Горький познакомил Ленина с идеей и образами задуманного им большого романа, и Владимир Ильич горячо одобрил основную направленность будущей вещи. Вот как вспоминал об этом сам Алексей Максимович в письме к Н. К. Крупской от 16 мая 1930 года:

„Я сказал, что есть у меня мечта написать историю одной семьи на протяжении 100 лет, с 1813 г., с момента, когда отстраивалась Москва, и до наших дней. Родоначальник семьи — крестьянин, бурмистр, отпущенный на волю помещиком за его партизанские подвиги в 12 году; из этой семьи выходят: чиновники, попы, фабриканты, петрашевцы, нечестивцы, семи- и восьмидесятники. Он очень внимательно слушал, выспрашивал, потом сказал: „Отличная тема, конечно — трудная, потребует массу времени, — я думаю, что вы бы с ней сладили, но не вижу, чем вы ее кончите. Конца-то действительно не дает. Нет, это надо писать после революции“.

Горький учел указания Ленина и свой творческий замысел реализовал в несколько видоизмененном плане уже в советские годы, когда великий Октябрь дал необходимое завершение его теме („Дело Артамоновых“ и „Жизнь Клима Самгина“).

Ленин постоянно привлекал Горького к со-

трудничеству в партийной печати, радостно приветствовал его появление на страницах большевистских газет. „Великолепными „сказками“ Вы очень и очень помогли „Звезде“, и это меня радовало чрезвычайно“, — писал Владимир Ильич после того, как несколько итальянских сказок Горького были напечатаны в легальном органе нашей партии „Звезда“.

Неоднократно упоминая о Горьком и его творчестве в своих статьях, Ленину не уставало подчеркивать огромное значение горьковской деятельности для дела пролетариата.

„Горький — безусловно крупнейший представитель пролетарского искусства, который много для него сделал и еще больше может сделать“, — писал Владимир Ильич в 1910 году. „Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению“, — указывал Ленин в 1917 году, накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Горький приветствует писателей из народа, следит за их ростом, продвигает их произведения в печать. Позже, в 1914 году, выходит первый „Сборник пролетарских писателей“ под редакцией и с предисловием Горького, где пробуют свои силы несколько десятков начинающих авторов из рабочего класса. В предисловии

к этому сборнику Алексея Максимович выражает твердую уверенность в том, что пролетариат сможет создать свою культуру, свою интеллигенцию.

В самом конце 1913 года Горький возвращается на родину. Все эти годы, живя в Италии, он, как отмечают люди, знавшие его в то время, тоскует по России, тяжело переживает разлуку с родным народом. Получив возможность после опубликования царского манифеста об амнистии литераторам вернуться на родину, Горький, по совету Ленина, покидает Италию и возвращается в Россию. Любимого писателя восторженно приветствуют представители передовых, прогрессивных слоев общества.

Еще до возвращения Алексея Максимовича на родину в газете „Русское слово“ начинает печататься его новое большое произведение — повесть „Детство“. В этой повести Горький с изумительной силой воскрешает перед читателем картины звериного мещанского быта, окружавшего его в раннем детстве. Рисуя мрачную, тяжелую жизнь в старой, царской России, писатель, однако, на всем протяжении повести выступает как человек, всрящий в светлое будущее своей родины, своего народа. Об этой всепобеждающей вере говорит сам Горький, обращаясь к читателю: „Не только тем изумительна жизнь наша, что в ней так плодovit

и жирен пласт всякой скотской дряни, но и тем, что сквозь этот пласт все-таки победно прорастает яркое, здоровое и творческое, растет доброе, человечье, возбуждая несокрушимую надежду на возрождение наше к жизни светлой, человеческой".

И „Детство“, и написанное через год после этого произведения его продолжение — повесть „В людях“ — привлекают к себе внимание всей читающей России. Обе повести показывают, какие неисчерпаемые творческие возможности таятся в огромном таланте Горького. Новые произведения убедительно опровергают распространившиеся за несколько лет до этого лживые утверждения буржуазной печати о том, что Горький „исписался“, „выдохся“. Этими утверждениями реакционные критики безуспешно пытались ослабить огромное воздействие творчества писателя на широкие слои народа.

Империалистическую войну 1914—1918 годов Горький встречает резко отрицательно. Он не устает клеймить ее сущность в многочисленных статьях и заметках, ее разоблачению он посвящает журнал „Летопись“, который ему удается издавать с конца 1915 года. К участию в этом журнале Горький привлекает передовых литераторов России, на страницах „Летописи“ он печатает произведения молодых

талантливых авторов и среди них Владимира Маяковского.

После февральской революции Горький выступает с рядом статей и докладов о революции и культуре. Буржуазная печать организует травлю писателя за его сочувствие большевикам, за резкие высказывания против империалистической бойни. Травля не смущает Горького. Он продолжает свою работу, организуя общество „Культура и свобода“, редактируя газету „Новая жизнь“.

Осенью 1917 года, накануне Октябрьской революции, страна отмечает двадцатипятилетие литературной деятельности Горького. В преддверии великого Октября революционная Россия приветствует своего „буревестника“, четверть века стоящего на страже интересов трудового человечества. В это же время под редакцией и с предисловием Горького выходит второй „Сборник пролетарских писателей“.

III

Великая пролетарская революция, которую возвещал и подготавливал Горький каждой строкой своих произведений, свершилась. С первых же дней ее Алексей Максимович развернул огромную работу по приобщению народных масс, разбуженных для новой жизни, к просве-

щению и культуре. Живя в Петрограде, Горький организует кампанию по сбору книг для народа, руководит литературными кружками, выступает на собраниях и митингах.

В памяти современников сохранилось воспоминание об одном замечательном выступлении Горького в первые месяцы революции. Это выступление произошло на первой петроградской конференции красноармейцев и моряков.

Речи Горького с нетерпением ждали многочисленные делегаты конференции — обмотанные пулеметными лентами моряки, пропахнувшие дымом сражений красноармейцы. Алексей Максимович появился перед этой горячей, взволнованной аудиторией и, выждав, когда утихнет раскатистый шум оваций, четко и отдельно сказал:

— Товарищи! Вы собрались, чтобы поговорить, как защитить страну. Друзья, это хорошо, что собрались обсудить, как драться. Драться с врагом надо. Не будете драться — вам морду набьют.

Это была вся речь Горького. Но эффект нескольких простых слов оказался необычным. Люди расходились с митинга, восторженно повторяя последнюю, заключительную фразу, сказанную Алексеем Максимовичем. В словах Горького воины революции находили отражение собственных мыслей и чувств. Как и их

любимый писатель, они видели, насколько силен враг, наступающий со всех сторон на молодую республику, сознавали, какой сокрушительный отпор нужно дать этому врагу, чтобы спасти дело революции. В немногих словах Горький выразил мысли и чаяния народные.

Если мы вспомним, что всего несколько месяцев назад писатель резко и непримиримо выступал против войны, то мы поймем, как изменились его взгляды на войну с переходом власти в руки трудящихся. Решительно отвергая бойню во имя интересов кучки обезумевших хищников, Горький приветствовал освободительную народную войну, направленную на защиту родины и революции. В этом сказался горячий патриотизм Горького, его огромная любовь к новой, свободной России. Чувства и мысли своего писателя разделяли миллионы трудящихся, одетых в серые шинели. Утомленные долгой войной во имя чуждым им интересов, они бежали с фронтов, но стоило революции свергнуть самодержавие, как они снова добровольно стали под ружье, чтобы защитить кровное, близкое им дело, свою социалистическую родину.

Вспоминая это трудное героическое время, Горький писал десять лет спустя: „Я всю жизнь был „пафистом“. Война вызывала у меня только отвращение, стыд за людей и ненависть

к зачинщикам массовых убийств, к разрушителям жизни. Но после той героической войны, которую победоносно провел голодный, босой, полуголый наш рабочий и крестьянин, после того, как рабочий класс, строя новое, свое государство в невероятно трудных условиях, показал и показывает себя умным, талантливым хозяином, после этого я тоже убедился в неизбежности смертного боя. И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю,—я тоже пойду рядовым бойцом в его армию. Пойду не потому, что — знаю, именно она победит, а потому что великое справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это мое законное дело, мой долг“.

Сознание необходимости защиты социалистической родины сочеталось у Горького с твердой верой в конечную победу трудящихся новой, свободной России.

„Рабочая масса Союза Советов, — писал Алексей Максимович, — не хочет воевать, она хочет создать государство равных, но в случае нападения на нее она будет защищаться вся, как одно целое, и победит, потому что на нее работает история“.

Все приведенные высказывания относятся к периоду развернутого социалистического строительства, но истоки этих более поздних

высказываний нужно искать в простом и кратком выступлении Алексея Максимовича перед массой красноармейцев и моряков в памятные грозные дни гражданской войны.

К этому же времени надо отнести и начало той широкой культурно-просветительной работы Горького, которая в таких невиданных масштабах развернулась в последние годы жизни писателя. Присматриваясь к новому, освобожденному от ига самодержавия русскому народу, Алексей Максимович видел, как велика в нем потребность в знаниях, в культуре. Идя навстречу этой потребности, в трудных условиях тех напряженных лет, Горький, поддержанный партией и правительством и лично Владимиром Ильичем Лениным, осуществляет целый ряд огромных культурных начинаний. Сплотив вокруг себя лучших представителей русской культуры, не изменивших своему народу, оставшихся работать в Советской стране, Горький создает издательство „Всемирная литература“ для издания произведений крупнейших писателей мира. „Русский гражданин,— писал Алексей Максимович, излагая задачи издательства,—получит в свое распоряжение все сокровища поэзии и художественной прозы, созданные в течение полутора веков напряженного духовного творчества Европы“. Вслед

за этим Горький намечает издание библиотеки „Жизнь мира“, всесторонне освещающей процесс духовного развития человечества вообще и в частности России. И еще целый ряд проектов замышляется и осуществляется в этот период под руководством и при активном участии великого писателя.

К сожалению, этой огромной плодотворной деятельности было суждено прерваться в самом ее разгаре. Летом 1921 года у Горького открывается процесс в легких как результат давней, застарелой болезни. Алексей Максимович продолжает работать, но В. И. Ленин, внимательно следящий за здоровьем писателя, настаивает на немедленном отъезде для лечения за границу. „А у Вас кровохарканье и Вы не едете!!!— пишет Ленин 9 августа 1921 года.— Это ей же ей и бессовестно и не расчетливо. В Европе в хорошей санатории будете лечиться и втрое больше дела делать... Уезжайте, вылечитесь. Не упрямытесь, прошу Вас!“

Уступая этим настойчивым советам, Горький, наконец, в октябре 1921 года уезжает за границу. Здесь, лечась и отдыхая, Алексей Максимович не прекращает литературной работы и в течение нескольких ближайших лет создает ряд выдающихся произведений, отмеченных огромной силой большого, зрелого таланта.

Прежде всего Горький завершает свою автобиографическую эпопею, начатую еще до революции произведениями „Детство“ и „В людях“. Новая повесть „Мои университеты“, посвященная казанскому периоду жизни писателя, достойно увенчивает замечательную трилогию, по праву признаваемую одним из лучших автобиографических произведений во всей мировой литературе. За „Моими университетами“ следует целый ряд автобиографических рассказов, несколько очерков-воспоминаний о различных людях, с которыми приходилось встречаться Алексею Максимовичу в течение его долгой жизни. Горький пишет о видных деятелях литературы („Короленко“, „Леонид Андреев“, „А. А. Блок“) и о рядовых, казалось бы ничем особенно не замечательных людях, в каждом из них находя нечто глубоко своеобразное и интересное. В целом эти литературные портреты дают замечательное изображение русского человека. Эта богатая, яркая галерея дополняет собой образы и характеры, созданные Горьким в его больших произведениях.

В ряду горьковских портретов должен быть выделен один, над которым писатель работал особенно тщательно, несколько раз дополняя и перерабатывая его. Это портрет самого выдающегося человека эпохи — вождя человече-

ства В. И. Ленина. Еще в апреле 1920 года на вечере, посвященном пятидесятилетию Владимира Ильича, Горький выступил с речью о своем гениальном друге; в том же году Алексей Максимович напечатал статью о нем в журнале. В январе 1924 года, потрясенный вместе со всем народом смертью великого вождя, Горький начинает писать свои воспоминания о нем, в которые вкладывает всю свою любовь к Владимиру Ильичу, все свое восхищение им.

„Большой, настоящий человек мира сего, человек с большой буквы,— называет Горький Ленина, отмечая в качестве основной, самой характерной черты его замечательную простоту. „Прост, как правда“,— эта оценка Владимира Ильича одним из рабочих, приводимая Горьким, как нельзя лучше выражает ленинскую мудрость и величие. Горький отмечает непримиримость Ленина к врагам и его трогательную заботливость о друзьях и товарищах. Ленин для Горького — величайший образец человека, тот образец, о котором мечтал писатель в годы юности, создавая романтические образы пламенных борцов за дело народное.

В 1925 году Горький заканчивает новое большое произведение, с первоначальным замыслом которого он знакомил когда-то Вла

димира Ильича. Произведение это — роман „Дело Артамоновых“. В нем Горький рисует историю купеческого рода на протяжении нескольких десятилетий. Родословная Артамоновых — это как бы родословная всего русского капитализма. Если ранние его представители, во главе с Ильей, обладают многими положительными качествами — энергией, трудоспособностью, деловитостью — и играют прогрессивную, положительную историческую роль, то их потомки мельчают, вырождаются и лишь задерживают, тормозят дальнейшее развитие России. Только отдельные из представителей нового поколения Артамоновых, вроде молодого Ильи, находят в себе силы и способности для деятельной и плодотворной жизни. Не случайно Илья порывает со своим классом и, став членом большевистской партии, связывает свою судьбу с людьми, борющимися за лучшее устройство мира. Великая Октябрьская социалистическая революция сметает с исторической сцены последних Артамоновых и все их разваливающееся „дело“. Новые люди, новые строители жизни идут на смену потомкам старика Артамонова.

Еще большей широтой и глубиной в изображении действительности, чем „Дело Артамоновых“, отмечено следующее большое произведение Горького, над которым он работает

до последних дней жизни, огромный четырехтомный роман-эпопея „Жизнь Клима Самгина“. В образе центрального персонажа этого романа, интеллигента Клима Ивановича Самгина, Горький дает собирательную фигуру врага революции — приспособленца и двурушника. Изображая эту фигуру на широком фоне русской жизни за последние сорок лет, Горький создает произведение огромной силы, произведение, которое помогает рабочему классу глубже познать действительность, лучше разобраться в своих друзьях и врагах. Роман „Жизнь Клима Самгина“ отнюдь не случайно пришелся не по вкусу многим из тех „критиков“, которые были разоблачены впоследствии как враги народа. В образе Самгина они почувствовали убийственное и верное изображение самих себя, людей до поры до времени скрывающихся под маской „друзей“, „союзников“ рабочего класса, но глубоко под спудом таящих свою предательскую сущность.

Длительное пребывание Горького за границей отнюдь не способствовало его разобщению с родной страной. Работая над большими произведениями, Алексей Максимович находит время для оживленной переписки с новыми людьми — строителями первого в мире социалистического государства. Горький с интере-

сом прочитывает десятки и сотни писем, поступающих к нему из Советского Союза, и на каждое из этих писем, если оно заслуживает хотя бы малейшего внимания, тщательно и подробно отвечает. Алексея Максимовича интересует каждый, самый, казалось бы, мало-значительный факт, касающийся жизни новой, социалистической России. Из этого далека он внимательно следит за жизнью и трудом советских людей, радуясь их успехам, давая отпор врагам рабочего класса, пытающимся опорочить в глазах передового человечества огромное историческое дело, которое творят трудящиеся Советского Союза. С большой любовью и радостью принимает Горький у себя в Сорренто приезжающих с родины государственных деятелей, писателей, ученых, рабочих.

В 1928 году в здоровья писателя происходит улучшение, врачи разрешают ему выехать на родину, и Горький прибывает в Советский Союз. Велика радость Алексея Максимовича при виде новой, окрепшей и помолодевшей России, в разлуке с которой он был целых семь лет. Горький посещает фабрики и заводы, колхозы и совхозы, институты и лаборатории, не уставая радостно восхищаться сказочными успехами советских людей.

В конце мая он приезжает в Советский

Союз, а уже в следующем месяце совершает большое путешествие по обновленной стране. Горький посещает Ленинград, где вместе с Сергеем Мироновичем Кировым ходит по высоким, просторным цехам Балтийского завода; он едет далее на свою родину — в Нижний-Новгород, в город своих „университетов“ — Казань, в хорошо знакомую ему Самару, Сталинград, Ростов-на-Дону, Баку, он посещает Тифлис, где тридцать шесть лет назад началась его литературная деятельность, Эривань, Курск, Харьков, Днепрострой, Крым.

Как не похоже это путешествие всемирно знаменитого писателя на пешее странствование с котомкой за плечами безвестного Алексея Пешкова почти сорок лет назад! Не настороженные взгляды царских полицейских и жандармов, подозрительно косящихся на неведомого пришельца, а сияющие восторгом и радостью приветливые взоры встречают Алексея Максимовича в каждом уголке его родины. И однако то здесь, то там что-нибудь да напомнит ему о далеких скитаниях его юности. То при виде полузабытых мест вновь всплывает в памяти какой-нибудь яркий эпизод прошлого, то из толпы людей, пришедших встретить Горького, выйдет пожилой человек и, добравшись до Алексея Максимовича, назовет ему себя, напомнит, как встречался с

ним в далекие юные годы. И чудесная память Горького оживится давними впечатлениями, вместе с бывшим своим сотоварищем предастся он воспоминаниям об общих друзьях и знакомых. О каждом расспросит Горький и, услышав в ответ, что такой-то жив и здоров, работает там-то, радостно удивится. Поистине неузнаваемой стала страна. Не стареют в ней люди, работают на благо народа, невзирая на долгие годы труда, на возраст. Каким замечательным, радостным и плодотворным стал на родине писателя труд,— труд, о котором всегда с таким проникновенным жаром писал Горький и который только теперь освободился от связывавших его рабских пут и сделался для советских людей необходимым, как вода, как воздух, как дыхание. И, скромный в оценке своих заслуг, великий писатель вспоминает и с гордостью говорит о том, как еще в далекие мрачные годы царизма он любил и уважал труд, как, рисуя в своих произведениях яркие картины трудовой человеческой деятельности, уже тогда учил он преклоняться перед трудом, ценить его животворящее начало. В Тифлисе в честь приезда Горького был созван торжественный пленум местного совета, и, отвечая на приветствия многочисленных ораторов, великий писатель произнес следующие зна-

менательные слова: „Если бы я был критиком и писал книгу о Максиме Горьком, я бы сказал в ней, что сила, которая сделала Горького тем, что он есть, каким он стоит перед вами, тем писателем, которого вы так преувеличенно чтите, которого вы так любите, заключается в том, товарищи, что он первый в русской литературе и, может быть, первый в жизни вот так, лично, понял величайшее значение труда, образующего все ценнейшее, все прекрасное, все великое в этом мире“.

Горький имел право так говорить. Ни до него, ни после него ни один из писателей мира не показал человеческий труд так ярко и впечатляюще, как сделал это автор „Моих университетов“ и „Сказок об Италии“. Стоит вспомнить сцену разгрузки баржи в первом из этих произведений, рассказ итальянского рабочего о постройке туннеля — во втором, чтобы увидеть, какие волнующие слова и образы находил Горький для изображения человеческого труда... „Люди начали „показывать работу“, — читаем мы в „Моих университетах“, — они, точно в бой, бросились на палубу и в трюмы затонувшей баржи, — с гиком, ревом, с прибаутками. Вокруг меня с легкостью пуховых подушек летали мешки риса, тюки изюма, кож, каракуля, бегали ко-

ренастые фигуры, ободряя друг друга воем, свистом, крепкой руганью. Трудно было поверить, что так весело, легко и скоро работают те самые тяжелые, угрюмые люди, которые только что уныло жаловались на жизнь, на дождь и холод. Дождь стал гуще, холоднее, ветер усиливался, рвал рубахи, закидывая подошвы на головы, обнажая животы. В мокрой тьме при слабом свете шести фонарей металась черная толпа, глухо топая ногами о палубы барж. Работали так, как будто изголодались о труде, как будто давно ожидали удовольствия швырять с рук на руки четырехпудовые мешки, бегом носиться с тюками на спине. Работали играя, с исцельным увлечением детей, с той пьяной радостью делать, слаще которой только объятие женщины“.

„А когда, наконец, рушился пласт породы, и в отверстии засверкал красный огонь факела, и где-то черное, облитое слезами радости лицо, и еще факелы и лица, и загремели крики победы, крики радости — о, это лучший день моей жизни. и, вспоминая его, я чувствую — нет, я не даром жил!“ — так рассказывает собеседник об огромной радости, охватившей его, когда он увидел воочию результат своего труда, увидел непокорную природу, сломленную силой человеческого упорства: — „Была работа, моя работа, святая работа,

сирбор, говорю я вам! И когда мы вышли из-под земли на солнце, то многие, ложась на землю грудью, целовали ее, плакали — и это было так хорошо, как сказка! Да, целовали победенную гору, целовали землю — в тот день особенно близка и понятна стала она мне, сирбор, и полюбил я ее, как женщину!”

И в „Моих университетах“ и в „Сказках об Италии“ изображена работа в капиталистическом обществе, работа „на хозяина“. Горький не раз подчеркивал, что даже и такой „подневольный труд на грабителей мира всегда увлекал и радовал“ человека, с победой же рабочего класса, когда труд становится „делом чести, славы, доблести и героизма“, неизмеримо повышается радость труда. И Горький горячо призывал молодых писателей показать эту радость в сильных, глубоких и волнующих образах.

И всей своей кипучей деятельностью, развернувшейся на другой же день после возвращения на родину, Алексей Максимович подтвердил свои слова о высоком значении труда. Хотя писатель и заявлял, что некоторое время „работать не станет“, а будет „ходить и смотреть“, но, по-деловому, засучив рукава, принялся за большую, плодотворную работу: он пишет десятки публицистических статей, отвечает на многочисленные письма, приступает

к организации журналов „Наши достижения“, „За рубежом“, „СССР на стройке“. Зорко присматривается Горький к работе молодых советских писателей, к боевой, кипучей деятельности рабкоров и селькоров. Отвечая на многочисленные запросы о своей литературной работе, о писательском труде, он выпускает книжку „Рабселькортам и военкортам“, — о том, как я учился писать“, — замечательный рассказ большого человека и художника о том, что сделало его литератором, у кого из великих мастеров прошлого учился он высокому и трудному писательскому делу. В голове Горького уже зреет проект создания специального журнала для начинающих писателей, проект, который удастся претворить в жизнь два года спустя.

Досадной помехой плодотворной работе на родине все еще является застарелая болезнь, и осенью Горький вынужден выехать в Италию. Но уже в мае следующего, 1929, года он снова в Советском Союзе и снова с головой уходит в кипучую деятельность. За несколько дней до его приезда V Всесоюзный Съезд Советов избирает Горького в члены ЦИК СССР. Великий писатель становится членом советского правительства. Продолжая усиленно работать в газетах, в созданных им журналах, Горький осуществляет новые инициаторские замыслы и выступает с одним

из замечательнейших своих проектов — созданием „Истории гражданской войны“.

Многочисленные съезды и конференции приглашают к себе писателя, его высокая худая фигура нередко появляется на трибуне, и настороженный зал внимательно ловит мудрые и неторопливые горьковские слова. На съезде охраны материнства и младенчества, на съезде крестьянских писателей, на съезде безбожников — везде слышится голос любимого Максимаыча.

Ни одно сколько-нибудь значительное событие в жизни Советского Союза не проходит мимо внимания писателя. Поставленная партией и правительством задача индустриализации страны вызывает его статьи „О займе индустриализации“, „День индустриализации“; всесоюзный пионерский слет заставляет Горького откликнуться статьей „О пионерах“; борьба с пережитками прошлого, и, в частности, с одним из самых отвратительных — антисемитизмом, рождает гневную статью писателя „Об антисемитизме“. В этой статье Горький, предвосхищая свою последующую непримиримую борьбу с фашизмом, заявляет о ненависти ко всевозможным расовым „теориям и людям“, которые их проповедают. „Лично я всегда считал и считаю проповедников расовой и племенной ненависти людьми выродившимися и

социально опасными“, — пишет Алексей Максимович. Эти слова как нельзя лучше характеризуют любовное, внимательное отношение писателя к людям всех национальностей, всех рас и племен. Недаром так тепло изображает он представителей многочисленных народов, населяющих Россию, на страницах своих повестей и рассказов.

Снова совершает Горький путешествие по Советскому Союзу, но если в прошлый свой приезд он стремился побывать главным образом в хорошо известных ему местах, то теперь он посещает и такие края, где прежде ему бывать не приходилось. Он заглядывает и на суровый Север — в Соловки, в Мурманск, и на ростовский „Сельмашстрой“, и в совхоз „Гигант“ Сальского округа. Везде писателя интересуют новые, советские люди, новые формы труда, создаваемые ими.

Еще теснее, органичнее становится связь Горького с родной страной, когда улучшившееся состояние здоровья позволяет ему, наконец, прочно обосноваться в Советском Союзе. Поселившись в Москве, Горький становится вождем и руководителем советской литературы, к голосу которого внимательно прислушиваются партия и правительство. В эти годы растет и крепнет дружба Горького с великим Сталиным, с Молотовым, с Ворошиловым.

11 октября 1931 года товарищи Сталин и Ворошилов посещают Алексея Максимовича в его квартире на Малой Никитской, и товарищ Сталин оставляет знаменательную запись в одной из книг Горького. На страницах, где напечатана сказка „Девушка и смерть“, повествующая о том, как старуха-смерть была побеждена огромной любовью девушки к своему милому, великий вождь пишет: „Эта штука сильнее, чем „Фауст“ Гете („любовь побеждает смерть“). И. Сталин, 11/10 1931 г.“. На другой странице той же книги пишет свой отзыв и товарищ Ворошилов: „...т. Сталин больше чем правильно определил значение стихов М. Горького. От себя скажу: я люблю М. Горького как моего и моего класса писателя, который духовно определял наше поступательное движение. Ворошилов, 11/10 1931 г.“.

Вожди партии и правительства пристально и любовно следят за публицистическими газетными выступлениями Горького. В своей речи на V всесоюзном совещании инженеров в 1932 году товарищ Молотов заметил между прочим: „О том, как наше социалистическое строительство изменяет весь облик нашей страны и весь быт даже самых зачолустных ее уголков, прекрасно сказал М. Горький в статье „О самом главном“. И, приведя большую выдержку из статьи Алексея Максимовича,

товарищ Молотов заключает: „Мы все читали и читаем произведения М. Горького и знаем, как он хорошо понимает и как великолепно художественно изображает многие и многие характернейшие черты быта старой России, и нам должно быть понятно его бодрое, радостное чувство, когда теперь на смену этому изжившему себя, дряхлому и гнилому укладу идет новый быт и социалистическая культура“. Далее товарищ Молотов приводит заключительные строки статьи Горького, которые замечательно перекликаются со словами товарища Сталина о человеке как о самом дорогом и ценном капитале. „Сотни тысяч, миллионы молодежи „отцветали, не успев расцвести“, погибали под гнетом идиотизма уездных городков, сел и деревень, теперь перед этой молодежью открыты все пути, и ее все более мощно двигает жажда знания... Все глубже в нее врастают корни партии, высасывая из почвы наиболее ценные соки, питаясь молодой энергией, революционно организуя, разнообразно квалифицируя эту энергию, обогащая страну интеллектуальными силами. Это главное, самое драгоценное, самое решающее из всего, что создается в нашей прекрасной, богатейшей, огромной, счастливой стране“.

В свою очередь Алексей Максимович внимательно следит за выступлениями вождей совет-

ского государства, словом и делом откликаясь на задачи, выдвигаемые партией и правительством, способствуя неуклонному проведению в жизнь этих задач в руководимой им литературной области.

В сентябре 1932 года советская страна, правительство СССР, рабочий класс и прогрессивная интеллигенция всего мира торжественно отмечают сорокалетие литературной деятельности Горького. Десятки и сотни приветственных писем, адресов, телеграмм получает в эти дни Алексей Максимович со всех концов мира, и самое дорогое из них — это приветствие товарища Сталина:

„Дорогой Алексей Максимович!

От души приветствую Вас и крепко жму руку. Желаю Вам долгих лет жизни и работы на радость всем трудящимся, на страх врагам рабочего класса.

И. Сталин“.

Об огромных заслугах Алексея Максимовича перед рабочим классом пишет товарищ Ворошилов: „На ваших литературных произведениях воспитались целые поколения российских пролетариев, впервые увидевших в них образцы высокого, прекрасного искусства, понятного и родного им... Все Ваши произведения будили и будят в широчайших массах

жажду социальной справедливости, стремление к лучшей жизни, к активной борьбе с насилием, к революционному освобождению от эксплуатации материальной и духовной. И прежде всего этим объясняется глубокое уважение к Вам нашего великого учителя Ленина, Сталина и всей нашей партии в целом“.

На торжественном заседании в Большом театре, посвященном юбилею Горького, оглашается постановление президиума ЦИК Союза ССР: „Наградить орденом Ленина великого пролетарского писателя товарища Максима Горького за его заслуги перед рабочим классом и трудящимися Союза ССР“.

Огромная напряженная и плодотворная сорокалетняя творческая жизнь лежит за плечами Горького, но великий писатель меньше всего собирается почивать на лаврах, жить своими старыми заслугами. И в то самое время, когда трудящиеся всего мира приветствуют Горького в день его юбилея, сотни зрителей в Москве и Ленинграде смотрят премьеру новой пьесы писателя „Егор Булычев и другие“. Снова, как и тридцать лет назад, в дни первых постановок „Мещан“ и „На дне“, Горький-драматург властно покоряет сердца зрителей. Замечательные, по-горьковски вылепленные сочные образы, неподражаемый меткий и красочный язык действующих лиц наглядно показывают,

какие огромные, поистине неисчерпаемые творческие силы живут в Горьком. И „Егор Булычев“, и поставленная через год после него последняя пьеса великого писателя „Достигаев и другие“ идут с колоссальным успехом во всех городах Советского Союза, ставятся за границей.

Ни на минуту не прекращает Горький и свою боевую публицистическую деятельность, с каждым днем эта деятельность становится все более напряженной и интенсивной. Не переставая громить и разоблачать в своих статьях врагов, Горький в последние годы жизни зорко присматривается к коричневой опасности, которая надвигается на передовое прогрессивное человечество из темных углов и закоулков гинденбургской Германии. Еще до прихода к власти гитлеровской клики в сентябре 1932 года Горький публикует статью „О „солдатских идеях“, где дает уничтожающую оценку идеологии фашизма: „Фашизм Италии мечтает о власти Рима над миром, Гитлер проповедует, что фашизм „вознесет народ Германии над всем человечеством“. Все это — судороги одичавшего издыхающего класса, все это бред и агония смертельно больного“. Для того, чтобы дожить до этого бреда, необходимо было „пережить“ или „изжить“ Гете и Канта, Шиллера и Фихте

и еще добрую сотню крупнейших поэтов, творцов музыки, живописи". С захватом Гитлером власти в 1933 году фашизм с цинической откровенностью обнажает перед миром оскаленное звериное лицо, и с тех пор почти в каждом из своих печатных и устных выступлений, какому бы вопросу оно ни было посвящено, Горький вновь и вновь касается растущей с каждым днем фашистской опасности. С особым возмущением говорит великий писатель о зоологических расовых "теориях", усердно проповодуемых гитлеровской кликой: „В массах разноязычного, разноплеменного пролетариата гитлеризм и фашизм сеют злое семя национальной розни, расового пренебрежения и презрения, которые могут перерасти в расовую ненависть". Советский Союз — это единственно реальная опора в борьбе с фашизмом, и к защите и обороне его призывает Горький передовое человечество каждой строкой своей огненной публицистики. Великий писатель предвидит будущую кровавую схватку, в которую втягивает весь мир обезумевший фашизм, но он ни на минуту не сомневается в исходе этой схватки: „Человечество не может погибнуть от того, что некое незначительное его меньшинство творчески одряхлело и разлагается от страха перед жизнью и от болезненной, неизлечимой жажды неживых. Гибель это-

го меньшинства — акт величайшей справедливости, и акт этой истории повелевает совершить пролетариату. За этим великим актом начнется всемирная, дружная и братская работа народов мира, работа свободного, прекрасного творчества новой жизни“.

Великий гуманист Горький всю свою долгую жизнь превыше всего на свете ценил деятельного, творческого человека. Этому человеку посвятил он наиболее страстные и проникновенные страницы своих мудрых книг, во имя его провозгласил на заре своей литературной деятельности бессмертную формулу: „Человек — это звучит гордо!“

Но любовь Горького к подлинному человеку, великий горьковский гуманизм отнюдь не исключали, а наоборот, предполагали страстную и непримиримую борьбу с теми из людей, которые позорят высокое человеческое звание, мешают жить и работать истинным хозяевам земли — труженикам и созидателям. Во имя настоящего человека, человека с большой буквы Горький должен был объявить и объявил беспощадную борьбу людскому отребью, пятнающему своим существованием светлое лицо строящейся новой жизни. Священная любовь писателя к человеку рождала священную испепеляющую ненависть ко всем человекоподобным выродкам. „Человек — венец природы“ и „звучит гордо“,

это неоспоримо,— писал Алексей Максимович в одной из последних своих статей,— но так же неоспоримо, что он бывает мерзавцем, убийцей вождей пролетариата, предателем родины, изумительным лицемером, врагом рабочего класса, шпионом капиталистов,— в таких его качествах он подлежит беспощадному уничтожению“. И, дополняя свою формулу „Человек— это звучит гордо!“, Горький на склоне дней провозглашает другой бессмертный лозунг,— лозунг, который теперь повторяется каждым защитником нашей социалистической родины, сражающимся против гитлеровских полчищ: „Если враг не сдается,— его уничтожают!“

Не было, нет и не будет у передового прогрессивного человечества более страшного врага, чем дикий, кровавый фашизм. К жестокой, беспощадной борьбе с этим врагом призывал Горький лучших людей всего мира, разоблачению этого врага подчинял он всю кипучую деятельность последних лет своей жизни. О чем бы ни говорил Алексей Максимович — о задачах советской литературы, о борьбе с природой, о наших детях,— он неизбежно возвращался мыслью к фашизму, напоминая о нем как о страшной опасности, грозящей всему человечеству.

Не случайно одной из последних редакторских работ Горького была вышедшая уже

после его смерти книга о крахе германской оккупации на Украине в 1918 году. В летописях нашей истории Горький искал такие материалы, которые способствовали бы разоблачению фашизма, помогали бы народам Советского Союза успешнее бороться с коричневой чумой. Горячо любящий свой русский народ, Горький предвидел, какую огромную роль придется сыграть этому народу в грядущей смертельной схватке с фашизмом, и он призывал закалять, оттачивать священную ненависть к заклятому врагу человечества.

„Горький беззаветно любил свой народ — и сила его любви к народу есть в то же время сила его ненависти к врагам народа“, — писал журнал „Большевик“ в 1936 году, вскоре после смерти великого писателя. Эти слова как нельзя лучше определяют особенности любви Горького к своему народу, любви действенной и активной, рождающей великую ненависть к врагам и недоброжелателям народа.

В самые тяжелые периоды нашей истории, когда народ стонал под игом царского самодержавия, когда тайные и явные его недруги, а с ними вместе и вчерашние мнимые „друзья“ пользовались всяким случаем, чтобы опорочить, оклеветать русского человека, Горький не уставал подчеркивать исключительную талантливость своего народа, указывал на огромные

скрытые в нем духовные и физические силы. С радостью отмечал великий писатель всякое рождающееся в недрах народных стремление к свободе, свету, правде. В статье „О писателях-самоучках“, написанной в начале 1911 года, Горький писал: „Мне кажется, что в русском народе рождается идея... активного отношения к жизни, к людям, к природе...“ „мне чувствуется, что непосредственно из самой массы русского народа возникает к жизни новый тип человека, это человек, бодрый духом, полный горячей жажды приобщиться культуре“. С огромным сочувствием приводит Горький в этой статье высказывания о русском народе американского философа Вильяма Джемса: „...все, что я знаю, рисует русских изумительно, бешено талантливими“. „Сильный народ у вас. Естественно, что ваши честные люди так любят его и так героически гибнут за свободу страны“. Характерно, что несколько лет спустя Горький непосредственно от себя почти в тех же самых словах высказался о своем народе. „Я вижу русский народ исключительно, фантастически талантливым“, — писал Алексей Максимович в „Заметках из дневника“.

Если таково было отношение писателя к русскому человеку в мрачные предреволюционные годы, когда царское правительство вся-

чески сковывало силы нашего народа, то после великого Октября, когда силы эти развернулись с невиданными широтой и размахом, Горький в каждой строке своих статей и очерков славил нового русского человека, его сказочный рост, огромные победы, одержанные им под руководством партии Ленина — Сталина. „Моя радость и гордость — новый русский человек, строитель нового государства“, — писал Алексей Максимович в 1927 году в статье, посвященной десятилетию советской власти. „Никогда и нигде еще хорошее не было так хорошо, как теперь в России“, — писал он в другой статье того же года.

Временно оторванный от родины болезнью, вынужденный жить за ее пределами, Горький пристально следит за достижениями новых русских людей, строящих под руководством партии социализм. В многочисленных письмах своим корреспондентам он выражает восхищение русским человеком: „Очень мы, русские, хороший народ: чем больше живу, тем крепче убеждаюсь в этом“, — пишет он в письме к писателю Сергееву-Ценскому.

Отмечая огромные заслуги советской власти в деле приобщения к знанию многочисленных народов бывшей царской России, Горький подчеркивает великое значение для этих народов русской культуры, русского язы-

ка: „То, что сделано соввластью для „бесписьменных“ народов, даст в недалеком будущем, конечно, прекрасные результаты, ибо, оценив значение грамотности на своем племенном языке, они неизбежно оценят и значение русского языка, а это так же неизбежно вовлечет их в общее и все более расширяющееся русло русской культуры, которой суждено быть социалистической культурой, как бы ни были велики силы, этому препятствующие“.

С гордостью пишет Горький о международном значении русской науки и искусства в своем „Ответе интеллигенту“, адресованному деятелям западной культуры: „Русская наука в XIX—XX вв. мощно влилась в общий поток научно-исследовательской работы Европы и... теперь, когда ваше творчество в области искусства так явно и печально иссякает, вы живете силами — идеями, образами русского искусства. Не станете же вы отрицать, что русская музыка и литература наравне с наукой давно уже стали достоянием всего культурного мира. Казалось бы, что народ, который в течение одного века поднял свое духовное творчество на высоту, равную многовековым достижениям Европы, народ этот, ныне получив доступ к свободе творчества, заслуживает более пристального изучения и внимания, чем то вни-

мание, которым он пользуется со стороны интеллектуалистов Европы“.

Пламенный борец за русскую культуру, Горький в глазах лучших людей Запада был как бы символом русского народа, выразителем его духовной мощи и силы. „В образах М. Горького,— писал в 1937 году Лион Фейхтвангер,— мир впервые услышал голос не отдельных русских людей, а самого русского народа“.

И после Великой Октябрьской социалистической революции Горькому неоднократно приходилось отстаивать русский народ и его культуру от всех тайных и явных врагов и недоброжелателей. В то время как троцкистско-бухаринские выродки злобно клеветали на русский народ, объявляли его „нацией Обломовых“, отрицали значение его прошлого, Горький не уставал подчеркивать огромную ценность русского народного творчества, отразившего в художественных образах былое нашей родины, ее славных строителей и защитников.

Выступая в 1934 году на Первом всесоюзном съезде писателей, созданном по его инициативе, с докладом о советской литературе, Алексей Максимович следующим образом высказался о народном творчестве — фольклоре: „Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на

создание... крупнейших произведений книжной литературы". „Наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа“. „Начало искусства слова — в фольклоре“.

Горький призывал к собиранию образцов народного творчества, запечатлевших героическое прошлое русского народа, к их внимательному и любовному изучению. „Русская песня — русская история“, — писал Алексей Максимович еще в 1896 году в своей статье о знаменитой народной сказительнице Орине Андреевне Федосовой, которую ему довелось слышать на Нижегородской выставке. „Безграмотная старуха Федосова, — добавлял писатель, — уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей“. Невнимание к истории народа, к его творчеству неизменно встречало резкое осуждение со стороны Горького.

Беспощадная непримиримая борьба Горького с врагами народа, его преданность народу, делу Ленина — Сталина вызывали бешеную ненависть со стороны троцкистско-бухаринских предателей — агентов германского фашизма. Они разработали чудовищный план умерщвления Горького и руками наемных палачей убийц-докторов привели этот план в исполне-

ние. Летом 1936 года в состоянии здоровья Горького произошло резкое ухудшение, и 18 июня Алексей Максимович скончался.

До самых последних дней Горький не переставал жить одними общими интересами со своей социалистической родиной. Прикованный болезнью к постели, он с огромным вниманием знакомился с проектом Сталинской Конституции, опубликованном в те дни в газетах. В этом историческом документе Горький видел осуществление самых смелых, самых сокровенных мечтаний своей юности. Вместе со своей страной он переживал огромную радость, рядом с которой собственная болезнь казалась ему делом второстепенным и маловажным. „Вот мы тут с вами пустяками занимаемся, ненужным делом, а ведь теперь в стране, может быть, камни поют“, — говорил он окружающим его людям.

Смерть писателя была воспринята всем советским народом, всем передовым прогрессивным человечеством как огромная, невозместимая потеря. Выступая на траурном митинге на Красной площади 20 июня 1936 года, товарищ В. М. Молотов сказал: „После смерти Ленина смерть Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества“. В этой же речи товарищ Молотов дал исчерпывающую оценку заслуг Горького перед

своей родиной, перед народом. „По силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции непосредственнее и сильнее, чем влияние какого-либо другого нашего писателя... До последнего вздоха Горький жил одними чувствами и мыслями с теми, кто с таким энтузиазмом строит теперь новое социалистическое общество под руководством партии Ленина — Сталина. Его глаза до конца жизни сверкали огнями борьбы и непримиримостью к врагам трудящихся, фашистам и ко всем другим угнетателям, к душителям культуры и поджигателям войны“.

Прошло пять лет со дня смерти Горького, и 18 июня 1941 года трудящиеся советской страны собрались почтить память своего великого писателя. Это были последние дни мирного труда. Всего через четыре дня, 22 июня, гитлеровские банды напали на Советский Союз, и весь народ, как один, стал на защиту социалистического отечества. В священной войне, которая развернулась на полях родины, пламенный образ Горького вдохновляет и одушевляет миллионы бойцов, закаляет их волю и мужество. Борьась с коричневыми фашистскими

варварами, отстаивая родную землю, советские воины защищают великое дело, которому отдал свою жизнь Горький, защищают самого Горького от мрачной банды грабителей и убийц. 6 ноября 1941 года, выступая на торжественном заседании Московского совета с докладом о XXIV годовщине Октябрьской социалистической революции, товарищ Сталин назвал имя Горького в ряду других имен славных деятелей нашей родины, выражающих великий и свободный дух русского народа, не совместимый с фашистским варварством. А 23 февраля 1942 года в приказе в связи с годовщиной Красной Армии нарком обороны снова назвал имя Горького: „Красная Армия уничтожает немецких солдат и офицеров, если они отказываются сложить оружие и с оружием в руках пытаются поработить нашу родину. Вспомните слова великого русского писателя Максима Горького: „Если враг не сдается — его уничтожают“.

Родная Красная Армия, о которой с таким уважением и любовью писал Горький, даёт сокрушительный отпор врагу. Все дальше и дальше откатываются на запад коричневые орды, и недалек тот час, когда освобожденная от фашистских варваров советская страна снова вздохнет широкой, полной грудью. Радостное солнце победы засияет над ее бескрайними

просторами, искоженными вдоль и поперек юношей Пешковым, чудесно описанными мощной рукой Максима Горького. После разгрома Гитлера многочисленные народы советской страны, вспоминая о недавних грозных боях, об одержанных славных победах, называя тех, кто вдохновлял их на эти победы, одним из первых произнесут имя великого сына русского народа, друга и наставника трудящихся всего мира, человека широкой души, огромного огненного сердца — Максима Горького.

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 14/VI—43

Тираж 25 000

A475. 2¹/₂ печ. лист. 2,385 уч. явт. л.

6-я типография ОГИЗ. Москва,

1-й Самотечный пер., д. 17

Зак. № 959

Цена 1 р. 25 к.

1 p. 25 к.

